

Вера Петрук

**Сага о халруджи. Индиговый
ученик. Книга вторая**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
ПЗ1

Петрук В. А.

Сага о халруджи. Индиговый ученик. Книга вторая / Петрук В. А.; худ. Петрук А. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 596 с.

ISBN 978-5-532-93367-5

Ослепнув и потеряв возлюбленную, Арлинг отправляется в другую страну, где встречает мистика, который обещает ему вернуть зрение и смысл жизни. Пройдя суровые испытания, Арлинг становится его учеником, не догадываясь, что мистик научил его не только в совершенстве владеть телом и духом, но передал тайное знание, тем самым втянув в войну кланов древнего ордена, поклоняющегося богу-змею. Арлинг должен обрести контроль над новой силой и избежать ловушки, приготовленной жрецами для него и учителя. «Индиговый ученик» - вторая книга из «Саги о халруджи».

ISBN 978-5-532-93367-5

© Петрук В. А., текст, 2016
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1. Когда гаснет факел	4
Глава 2. Другой мир	55
Глава 3. Четвертый путь	129
Глава 4. Изменения	193
Глава 5. Уроки	301
Глава 6. Танец Атреи	385
Глава 7. Выбор	445
Глава 8. Бои Салаграна	516

Глава 1. Когда гаснет факел

На чердаке старой мастаршильдской церкви пахло золой и яблоками. Арлинг уютно устроился на охапке соломы, разглядывая кусок неба в узком окне под стропилами и слушая размеренный стук дождя – с утра разыгралась непогода. Магда лежала рядом, даря незабываемое ощущение теплоты и покоя. Стояла осень. Деревья уже сменили яркую июльскую зелень на золотистую листву сентября, а по утрам выпадал иней.

Безмятежность нарушал запах гари, которым иногда тянуло с востока. Стоило открыть створки чердачного окна шире, и крышу затягивало сизыми клубами, от которых щипало глаза и першило в горле.

– Тебе пора, – сказала Магда, трогая его за плечо.

Арлинг рассеяно пропустил ее слова, не понимая, куда она отправляла его в такую погоду. Думать ни о чем не хотелось. Ни о Даррене, ни о проигранной дуэли, ни о кашпо с лилиями. Из приоткрытых ставен пахло сладко-горьким ароматом, словно все поля вокруг церкви вдруг покрылись ненавистными цветами.

– Держи, – сказала Магда, протягивая ему лилию. Нежные лепестки трепетали в ее дрожащих пальцах, осыпаясь на доски чердака снежными хлопьями. Арлинг приподнялся на локте, недоуменно разглядывая Фадуну.

– Окно не закрывай, пусть дует, – прошептала она и, потянувшись к нему, поцеловала в лоб.

– Какое окно? – переспросил Регарди, уже забыв о цветах и думая только о том, поцелует ли его Магда еще раз.

В следующий миг сильный порыв ветра распахнул ставни, впустив на чердак холодную осеннюю сырость. Выругавшись, Арлинг подбежал к окну, чтобы закрыть створки, и замер, пораженный разгулявшейся стихией. Доски разломанных домов, штакетины оград, телеги, вырванные с корнями деревья и кусты – все смешалось в бессмысленную кучу, в центре которой с наслаждением плясал вихрь. Такой бури он еще не видел.

– Берегись! – крикнула Фадуна, но было поздно. Лихо свистнув, буря бросила ему в лицо охапку сломанных веток, заставив его попятиться. Попад ногой в выбоину в полу, Арлинг запнулся и упал, стукнувшись затылком о доски. Ветер ворвался на чердак непрошеным гостем, подняв сено в воздух и спрятав в нем Магду. Арлинг бросился к ней, но глаза были забиты пылью, и он с размаху врезался в стропилу, почувствовав удар всем телом.

– Магда, я иду, – прошептал Регарди, пытаясь остановить головокружение. Его голос прозвучал в наступившей тишине неожиданно громко. Доски прогнулись, превратившись в мягкую перину, которая заключила его в нежные объятия. Арлинг обескуражено сел, пытаясь понять, где очутился.

– Магда? – позвал он, но ему ответил лишь дождь, который робко стучал по стеклу. Тихий и укрощенный. Стихия еще бушевала вдали, но ее силы были на исходе. Рядом трещал камин. Отмеряя время, тикали часы. Пахло ночными кошмарами, травами и болезнью.

Пальцы заскользили по влажному шелку и поднялись к лицу. Кожа была мокрой от пота, обильно выступившего на лбу и висках. По вкусу напоминало кровь.

В камине громко треснуло полено, отозвавшись в голове новой вспышкой боли. Предчувствие беды накрыло его с непреодолимой силой – трагедия неизбежна.

Не было Магды. Давно уже не было.

Все встало на свои места. Его мир был бледным подобием настоящего, а обитали в нем призраки: Фадуна, прах которой давно покоился на холме в Мастаршильде, Даррен, который не смог спасти ее от костра, а себя – от ссылки в армию, и он, Арлинг, застрявший в пустоте между живыми и мертвыми. Живые хотели от него невозможного, а мертвым он был не нужен.

Его внимание привлек камин. От него исходил такой жар, что вся комната должна была освещаться отблесками ада. Где он? Его окружало странное пространство, наполненное смутно знакомыми запахами и звуками. Пальцы ощущали гладкость простыней, уши слышали шум дождя, а нос улавливал запахи жилой комнаты, которая почему-то оставалась невидимой.

Открой глаза, идиот, обругал себя Регарди, сообразив, что до сих пор сидел, крепко зажмурившись. Ничего не произошло. Арлинг попробовал снова – то же самое. Теперь он понял, чем так сильно пахло в комнате. Лилиями. Будто рядом стоял целый букет этих дурацких цветов.

Нужно проснуться, и тогда кошмар кончится.

– Но я не сплю, – прошептал он, вслушиваясь в свой голос. Щипок тоже ничего не дал. Пощечина вызвала острый взрыв боли в голове, и Арлинг скорчился на постели, схватившись за виски. Он чувствовал боль. Это хорошо.

Регарди ожесточенно потер лицо, натирая кожу до зуда. Глаза были открыты – он специально потрогал их – но не видели ничего. Ни тьмы, ни света. Тревога медленно вползла в сердце. С ним было что-то не так.

Неожиданно раздался новый звук – громкий, протяжный, больше всего похожий на оглушительный храп. Арлинг отпрянул в сторону, запутавшись в простынях и чувствуя себя от этого по-дурацки. Кровать вдруг кончилась, и он рухнул на пол, ударившись головой о что-то твердое и деревянное. Это был ночной столик – сверху зашаталась ваза, а запах лилий усилился. Регарди схватился за ушибленный лоб, зашипев от досады. Храп уменьшился, перейдя в едва слышное кряхтение, но не прекратился.

Несмотря на то что от камина шел сильный жар, пол комнаты оставался холодным, обжигая босые ступни. Продолжая растирать глаза, которые по-прежнему ничего не видели, Арлинг на ощупь поднялся, еще не зная, куда пойти, но понимая, что оставаться наедине с храпящим незнакомцем ему не хочется.

Первый шаг закончился столкновением. Он налетел на столик второй раз, опрокинув его и все, что на нем стояло. Звон разбитого стекла, запахи лекарств и застоявшихся лилий наполнили мир бестолковой суетой, а раздавшийся женский крик слился с его собственным.

– О, боженьки мои, господин проснулся!

Волна шума взметнулась по комнате и выплеснулась в коридор, откуда раздался топот ног и взволнованные голоса.

– Тебе это снится, – прошептал Арлинг, замерев на месте и чувствуя, как ночная рубашка, намокшая от воды из опрокинутой вазы, неприятно липнет к ногам. В следующий миг дверь с грохотом распахнулась, впуслав сначала сквозняк, а следом за ним знакомый голос. Когда-то родной.

– Сын!

Кажется, он знал этого человека. Эджерон Регарди, его отец и Канцлер Империи, крепко обнял его, обдав запахом табака.

– Слава Амирону, ты очнулся! – руки Канцлера тряслись, но Арлинга не отпускали. – Все будет хорошо, теперь хорошо. Я знал, что ты выкарабкаешься. Ты сильный! Чего стоишь, глупая женщина! Прибери здесь!

В комнате неожиданно сталолюдно. Арлинг не видел слуг, но почти физически ощущал на себе их любопытные взгляды. Ему казалось, что он попал в другой мир. Может, новый вариант его личного ада? И кто это так горячо обнимал его? Отец? Человек, от которого было трудно дожидаться похвалы и который... убил Магду.

– Ты целый месяц лежал, словно мертвый, – Канцлер проигнорировал его попытку отстраниться и снова прижал к себе. Чувствуя предательскую слабость, Арлинг не стал сопротивляться. Если бы не объятия отца, он снова бы упал. Руки, будто сломанные ветки, ноги, словно подпиленные стволы деревьев, тело, как разбитая весенней слякотью дорога. Душа... Душа, словно покинутый дом. Там все умерли. Осталась лишь пустота. Но это была его пустота. Та, за которую он заплатил жизнью Магды.

Отец продолжал что-то говорить, но до него долетали лишь обрывки фраз.

– Мерзавец Даррен... Ты поправишься... Все начнем заново... Месяц не беда, капля в море...

Вокруг было слишком много людей. Они его раздражали. Кто-то ободряюще похлопал по плечу. Неужели, Холгер? Похоже, все были ему рады, даже отец. Как странно.

А дальше Арлинг сделал то, что не смог объяснить ни на следующий день, ни через год, никогда. Его руки поднялись и крепко обняли

Канцлера. Раньше он думал, что непременно умрет, если случится подобное. Но это оказалось даже приятно. Тепло. Мягко. Спокойно.

– Сын, – в голосе Элджерона стояли слезы. – Прости меня.

И это рыдал Бархатный Человек? Горе всем, кто видел его слезы.

Арлинг проглотил ком, застрявший в горле, и, стараясь, чтобы голос не дрожал слишком сильно, прошептал:

– Папа... Тебе не за что извиняться. Амирон уже наказал нас. Кажется, я ослеп.

Калек в Согдариин не любили. Здоровое общество, страна великих людей, империя покорителей мира – в ней не было места неполноценным. В мире идеальных людей они жили недолго и не имели будущего. Каждый согдариинец должен был уметь быстро бегать, метко стрелять, мастерски владеть мечом и знать основы военного дела. Каждая согдариинка должна была родить здорового сына и отправить его в армию либо в офицерскую школу. Служение Империи провозглашалось высшей ценностью, а воинская доблесть, умение побеждать и достигать цели любыми средствами – главными добродетелями. И хотя молодое поколение согдариинской аристократии уже давно не следовало наставлениям отцов-основателей и большую часть времени проводило не на тренировках, закаляя дух и тело, а на балах или в курильнях, наслаждаясь легкодоступными женщинами и журависом, все согдариинцы считали себя детьми Амирона – храбрыми воителями и воительницами, которым принадлежал весь мир.

Слепые не могли служить в армии и защищать границы раздувшейся Империи. Они не могли работать, не отличали свет от тьмы и нуждались в помощи. Они были больной частью здорового тела, которую можно было вылечить единственным способом – избавившись от нее. На площадях, в храмовых лестницах и на главных улицах городов Согдариин не было калек. Милостыню просили только те нищие, которые не имели увечий. Уродство считалось заразным и могло навлечь несчастье на благородных жителей Империи. Подобно тому, как крысоловы чистили города от грызунов-вредителей, специальная служба Педера Понтуса, глав-

ного палача Согдариин, освобождала его улицы от «несовершенных». Нищих и людей незнатного происхождения увозили в поселения на Архипелаге Самсо, откуда не возвращались, а лорды и гранд-дамы, которым не посчастливилось потерять часть тела, ослепнуть, оглохнуть или лишиться разума, должны были добровольно уехать в один их монастырей Амирона. В отличие от простолюдин у них было время. Знатный согдариец, ставший калекой, имел право прожить на прежнем месте еще лет пять, но исход у всех был один – затворничество.

Элджерон Регарди, Канцлер Согдарийской Империи, не привык к поражениям. Победа была целью его жизни, а планы всегда выполнялись. Сын должен был окончить Военную Академию, получить титул гранд-лорда, занять прочное место в Совете и стать преемником его идей и политики, а в будущем – главой новой Империи. Слепота наследника стала вызовом судьбы, который следовало принять с высоко поднятой головой.

Во все концы Империи – от Барракского моря на севере до царства Шибана на юге – отправились десятки гонцов за лучшими врачами мира. Элджерон считал, что если не верить в правду, она превратится в ложь и изменится. Так, он не верил, что Гургаранские горы непроходимы, посылая в безжизненные края каргалов и разведчиков. Так, он не поверил, что сын ослеп навсегда, считая, что есть лекарство, которое может его излечить.

Едва ли не впервые в жизни, отец ошибался.

Сначала Арлинг поддерживал Канцлера, потому что его уверенность дарила ему надежду. Несмотря на то что у младшего и старшего Регарди были разные цели, беда сблизила их, отодвинув в туманы прошлого события минувшего года. Наступило перемирие. О нем не говорили вслух, но оно позволяло не чувствовать запаха дыма от костра, на котором сожгли Магду. Неожиданно для самого себя Арлингу захотелось жить. Так сильно, что он соглашался на все, что придумывали доктора, которым хотелось получить обещанное вознаграждение – замок в Гиленпессе с пожизненным содержанием.

Арлинг глотал порошки и микстуры, носил на глазах повязки, пропитанные лекарствами, делал странные упражнения, нюхал

зажигательные смеси, слушал лечебную музыку и даже молился. Были и более неприятные процедуры. Его парили в бочках с горячей водой, укутанных сверху одеялами, обертывали в холодных простынях, вываленных в крупной соли, пускали кровь и заставляли лежать на иглах. Регарди терпел, потому что страшнее всех лекарств было оставаться наедине с собой.

Слепота изменила все. Мир, в котором он очутился, был пустым и чужим. Комнаты стали безгранично длинными, коридоры заканчивались неожиданно, а вещи покидали свои привычные места, принимая странную форму. Арлинг узнал, сколько шагов от порога комнаты до кровати, от кровати до уборной, от уборной до камина, от камина до окна, от окна до порога комнаты. Дальше его самостоятельные передвижения заканчивались.

К присутствию сиделки удалось привыкнуть не сразу. Одиночество стало роскошью, которая была недоступна даже в уборной. Элджерон боялся, что слепой сын повредит себе что-нибудь еще, поэтому младшего Регарди не оставляли без внимания ни на минуту. Арлинг с отцом не спорил. Уже давно. Его вечными спутниками стали Холгер, который его одевал, мыл и кормил, Бардарон, который был его поводырем по дому и саду, а также сиделка. Ее имя он не помнил, но теперь она жила в его комнате. С ней было легче всего. Женщина почти не разговаривала, и Арлингу было нетрудно представить ее мебелью, которая научилась дышать и храпеть во сне.

Редкие минуты самостоятельности счастья не приносили.

Как-то проснувшись раньше сиделки, он решил дойти до кушетки у окна. Сделав семь шагов, Регарди, не раздумывая, сел и тут же провалился вниз, упав на ковер – все полы в комнате были давно устланы мягким покрытием, чтобы он не ушибся.

Женщина-тень не проснулась, и Арлинг продолжил. Подняв руку, он нащупал край кушетки. Ошибка составила два шага. В последнее время их было так много, что Регарди даже не разозлился. Просто добавил новое расстояние в «Словарь Шагов», который стал составлять в голове с тех пор, как понял, что глаза ему больше не помогут.

Регарди вернулся к кровати, трогая все предметы, которые попадались на пути. Он думал, что хорошо знал обстановку комнаты,